

Д.Е.Фурман

Здравомыслова О.М. Мы продолжаем нашу сессию. И последние результаты вызвали большую, как я поняла, большую дискуссию. Пожалуйста, Дмитрий Ефимович Фурман хотел бы отреагировать на сказанное.

Фурман Д.Е. Во-первых, я хочу сказать, что та картина, которую дал господин Бызов, мне кажется, совершенно правильная, и я в основном с ней согласен. Я хотел бы немножко дополнить то, о чем он здесь говорил, вот какими соображениями.

Вообще, для того, чтобы понять, какой он, русский, постсоветский человек, его надо с кем-то сравнивать. Надо сравнивать с какими-то другими постсоветскими, но не русскими людьми, или с русскими, но не с постсоветскими. Поэтому, мне кажется, особое значение для понимания того, что с нами происходит, имеют всякие опросы, социологические материалы, которые дают картину русского сознания в республиках нерусских, где мы можем сравнить русских и не русских.

Я старался собрать все материалы, которые относились к русским и нерусским в Прибалтике. Картина вырисовалась удивительная.

У нас есть традиционный образ эстонцев и латышей. Это - индивидуалистические народы, народы хуторян, в отличие от русских, которые - общинный народ. Кроме этого, есть еще один фактор, который должен вроде бы эту общинность, скорее, увеличить. Это - роль русского как нацменьшинства. Нацменьшинство всегда более сплоченно.

Это мы знаем по многим примерам.

Реальная же картина следующая. Задаются вопросы: в трудную минуту на помощь кого вы можете рассчитывать? И дальше дается перечень: соседи, друзья и т.д. И выясняется, что эстонцы, латыши и литовцы рассчитывают на помощь других на порядок больше, чем русские. Русские выбирают один ответ: ни на кого, на самих себя. То есть, это - картина такого какого-то крайнего индивидуализма, атомизации. Это все видно и по политической жизни, где русские проявляют поразительное отсутствие способности к самоорганизации. То, что мы видим в России, совершенно то же мы видим и в Прибалтике. Скажем, поляки в Литве имеют представительство в парламенте большее, чем русские. Хотя русских по процентам больше ... Русские, по-моему, даже вообще не попали, если я не ошибаюсь, в последний парламент. Потому что - всякие склоки и просто не ходят голосовать.

Одновременно с этим очень высокая степень готовности подчиняться власти, высокий авторитет власти как таковой. У нас это проявляется в конформизме по отношению к нашей власти, в готовности голосовать за власть. Там это проявляется в очень большой готовности подчиняться местной власти. Например, делается опрос о доверии к власти. И выясняется, что доверие русских к эстонским властям - резко выше, чем доверие не только у нас к нашим властям, но и чем доверие самих эстонцев властям.

Далее - очень низкая самооценка русских. Дается список хороших и плохих качеств, и опрашиваемые выбирают качества, характеризующие титульные нации и русских. Так вот, русские дают положительные оценки эстонцам (у латышей я не знаю таких опросов) чаще, чем эстонцы дают сами себе.

И при этом - очень высокая степень способности русских к выживаемости, приспособляемости. Роль русских в бизнесе в Латвии и Эстонии - громадная. Приводятся очень разные цифры, и в том числе какие-то фантастические. Посол Латвии, например, говорил о 80 процентах латвийского капитала в руках местных русских. Но тем не менее ясно, что роль русских в бизнесе - значительно выше, чем их удельный вес в населении.

Описания русских в прибалтийской прессе аналогичны описаниям евреев в антисемитской литературе. Вот такое описание: эстонец, когда получает деньги, прежде всего строит дом, покупает хорошую машину.

Русский же посылает своих детей учиться.

В общем, русские в Балтии оказались идеально приспособленными к капиталистически рыночной и правовой ситуации, которую не они сами создали, а оказались в этой ситуации.

Мне кажется, что совершенно прав Бызов, когда говорит, что существует колоссальное противоречие между реальностью такого атомизированного общества, вполне приспособляющегося к каким-то рыночным реалиям, и одновременно ментальностью этого общества. То есть на уровне идей всё время постулируется и принимается то, что противоречит психологии, реальным возможностям общества. На уровне идеи - это национализм, православие и т.д., то, что подразумевает некую мобилизацию общества, подразумевает какую-то самоотдачу ради чего-то. На уровне же реальности этого начисто нет. Есть крайний индивидуализм, атомизация и отсутствие способности к мобилизации. Здесь очень большое противоречие и оно будет приводить в дальнейшем к каким-то очень странным и очень болезненным выплескам.

Здравомыслова О.М. Спасибо, Дмитрий Ефимович.

Мы переходим к заключительной серии наших выступлений. Все они сконцентрированы вокруг темы молодежи, и это, по-моему, логично. Мы говорили об обществе в целом, а сейчас мы будем говорить о его ближайших перспективах.

Я не буду тут делать долгое вступление. Я передаю слово Игорю Вениаминовичу Задорину, которого мы все, конечно, хорошо знаете. ЦИРКОН провел, как я знаю, большое исследование как раз молодежи в последнее время - людей с 16 до 25 лет. Как раз об их ценностных установках. И мы попробуем понять, в какой мере они соответствуют тем тенденциям, которые были описаны уже нами. Спасибо.